АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

Персоны — “грата”, концепции — “нон грата”

“Персона грата” — название одной из дневных программ “Радио России”, в которую ведущий Виталий Ушканов приглашает разных продвинутых людей (большей частью публичных политиков, бизнесменов и т.п. якобы авторитетов) “порассуждать” о проблемах жизни россиян, государства Российского и способах их разрешения. Есть в этой передаче особенность — ни ведущий, ни его собеседники никогда не затрагивают концепций организации жизни общества (в том числе концепций организации его хозяйства), которые породили проблемы, и концепций, которые претендуют на то, чтобы на их основе проблемы были бы изжиты и общество впредь развивалось бескризисно. Хотя речь в настоящей аналитической записке пойдёт не об анализе материалов этой программы, но именно её название, продолженное нами, выражает общий настрой СМИ на 12-м году обретения Россией “независимости от СССР”. И пока настрой “персона “грата” — концепции “нон грата”” в СМИ и публичной политике будет сохраняться, их деятельность (за редчайшими исключениями) можно характеризовать названием телепрограммы Александра Гордона, выходившей в эфир НТВ несколько лет тому назад, — “Собрание заблуждений”.

Часть I. “Калейдоскоп” мнений

1. История — наука точная: но как это понимать по жизни правильно?

“Независимая газета” в приложении “Ex libris” в номере 36 (256) от 10 октября 2002 г. опубликовала беседу Александра Вознесенского с Александром Шубиным “История как точная наука”. Тексту предшествует преамбула:

“Одной из самых заметных книг нынешней осени стала “Хроника России. XX век”, вышедшая в издательстве “Слово/Slovo”. В ней буквально по дням воспроизведены все важнейшие события в жизни страны ушедшего века. Об особенностях издания мы беседуем с одним из его авторов и редакторов, доктором исторических наук, руководителем центра “Россия в мировой истории” Института всеобщей истории РАН Александром Шубиным, специалистом по истории Гражданской войны и новейшей истории Советского Союза и Российской Федерации, автором учебника “Зарубежная история. XX век” для 9 класса, книг “Гармония истории”, “Анархистский социальный эксперимент” (о Махно, его движении и его испанских аналогах), “От застоя к реформам. Советский Союз в 1977 — 1985 годах” и других”.

Александр Шубин рассказывает о том, как создавалась эта книга:

“Важная часть нашей работы — редактура, поиск ошибок друг за другом, сглаживание идеологизированных оценок. Книгу я прочитал внимательно — с 1917 года всю, с карандашом в руках. В некоторых случаях открыл для себя много нового — при том, что приходилось, конечно, если у меня возникали сомнения, какие-то вещи сверять с библиотекой, поправлять. Но это обычный процесс. То, что и мою часть книги читали другие специалисты, думаю, пошло на пользу.

Над некоторыми биографиями работали коллективно. Статья небольшая, но она должна учитывать все нюансы, избегать крайних точек зрения и жестких оценок. Мы работали не для какого-то идеологически ангажированного читателя, не ставили себе целью кого-то разоблачить и т.д. Все, кто можно, уже разоблачены. В текстах книги эмоции присутствуют, но не захлестывают. Мы старались при написании статей показать свое ощущение времени.

— Вы занимаетесь и современной историей, и революционными годами — какая-то методологическая разница есть, не довлеют ли сложившиеся точки зрения на те или иные вопросы?

— Я исхожу из того, что история — точная наука. Мировоззренческое различие подходов к предмету не должно мешать общаться. Если моя позиция подкрепляется аргументами и доказательствами, то в данный момент я уверен в том, что из них вытекает, и именно это проповедую. Появляются новые аргументы, новые данные — я готов корректировать точку зрения. Соответственно “Хроники России” отражают уровень науки, доступных источников, данных, которые стали известны мне и моим коллегам на рубеже 2002 года. И различие между началом и концом века заключается не в обилии источников или точек зрения. По поводу Гражданской войны точек зрения, наверное, столько же, сколько и на распад Советского Союза, источниками оба периода достаточно обеспечены. Есть несколько закрытых тем — там, где документы еще не открыты, или — это применительно к 1920-м, 1930-м годам — источников, может быть, уже и нет. Люди умерли, они не могут ни подтвердить, ни опровергнуть. Не всё ведь описывалось в бумагах, и мотивы действий исторических персонажей приходится реконструировать.

Исследователь должен освободить свой разум от идеологических оценок и, опираясь на источники, выстраивать картину логически[1]. Применительно к нашему времени получилось, что какие-то вещи я видел изнутри и следил за историческими процессами с самого начала. Главная проблема, которая стояла перед авторами “Хроники”, — “ужать” огромный объем истории XX века. И здесь подход простой: если вы не уверены — не пишите!

В том, что я написал, я уверен. На то она и точная наука — то, что остается неясным, рано вносить в справочные издания.

Мой призыв к читателям один: логика и холодная голова. Если вы не обуяны желанием доказать какую-то идеологическую доктрину, а спокойно разбираетесь с тем, что вам дано источниками, ваша работа не отличается от работы любого добросовестного ученого”.

Завершил А.Шубин беседу с журналистом “НГ” словами:

“…важной проблемой современного гуманитарного знания является отсутствие системы координат. После того как отечественная историческая наука отбросила монополию марксизма, в ней нет общепринятого представления о закономерностях истории. В связи с этим у части историков существует ощущение, что надо игнорировать макротеории и заниматься только частным знанием. На мой взгляд, это крайность, противоположная марксизму, и, в частности, я попытался, когда это было уместно, показать читателям грандиозный процесс, который прошла российская цивилизация при переходе от традиционного к индустриальному обществу и затем при возникающем закате индустриального общества и постиндустриальной перспективе. В некотором отношении мы даже показали Западу, какие опасности стоят перед системой глобального управления. Процессы, наблюдающиеся сейчас в мировом масштабе, были уже в чём-то смоделированы в такой “полуглобальной” экономике, как советская. Она охватывала огромные пространства, и коммунистическое руководство стремилось управлять ею из единого центра, как ныне транснациональная элита пытается управлять миром. Были в СССР и ростки альтернативы кризисному развитию, как есть они и в современном мире.

Впрочем, какова бы ни была система координат исследователя, читатель “Хроники” прежде всего получает факт, а интерпретацию, если угодно, через запятую. Но если читать нашу историю подряд, получается своего рода роман. Читая эту “сагу” о XX веке, я лишний раз убеждался, насколько пройденный путь не похож на

[1] На основе одного набора фактов и базовых категорий, о чём речь пойдёт далее, логика выстроит одну картину, на основе набора других фактов и базовых категорий та же логика выстроит другую картину. Какая из двух картин более соответствует действительности? — этот вопрос и ответ на него у А.Шубина остаётся в умолчаниях.

две карикатуры: прилизанную коммунистическую в стиле КПРФ и антикоммунистическую страшилку о постоянном геноциде. Это была жизнь огромной страны, которая приковала к себе внимание мира. Мы были не последние и не первые в этом мире, но, возможно, самые интересные!”

2. Интеллектуалы “в законе”

В номере 35 (255) от 3 октября 2002 г. в том же приложении “Ex libris” “Независимая газета” опубликовала обширные выдержки из интервью Мишеля Фуко[2], данного им итальянским журналистам ещё в 1977 г. Эта публикация озаглавлена “Интеллектуал в законе”[3] и сопровождается подзаголовком: “Мишель Фуко о политической функции истины” — и эпиграфом: “Учёный — это не тот, кто обладает истиной, а тот, кто знает, как она производится”.

В этом интервью Фуко говорит:

“В течение долгого времени так называемый левый интеллектуал брал слово и воображал, что право говорить за ним признают потому, что видят в нём учителя истины и справедливости. Его слушали — или он притязал на то, что его должны слушать как лицо, представляющее всеобщее. Быть интеллектуалом означало, в частности, быть всеобщей совестью. Я полагаю, что тут мы вновь возвращаемся к представлению, заимствованному из марксизма, причем марксизма вульгарного, будто подобно тому, как пролетариат в силу необходимости своего исторического положения является носителем всеобщего (однако носителем непосредственным, плохо осведомленным, недостаточно сознательным), так и интеллектуал благодаря своему теоретическому и политическому моральному выбору стремится быть носителем этой всеобщности, но в её сознательной и развитой форме. Интеллектуал якобы выступает отчетливым и персонифицированным выразителем той всеобщности, чьим темным и коллективным образом является пролетариат.

Минуло много лет с тех пор, как мы перестали требовать от интеллектуала исполнения подобного рода роли[4]. Это изменение было обусловлено появлением нового способа “связи между теорией и практикой”. Интеллектуалы привыкли к ра-

---

[2] “НГ” сообщает: “Это интервью, как и целый ряд других известных работ французского мыслителя, будет опубликовано в сборнике избранных политических статей, выступлений, докладов и интервью Мишеля Фуко, который выйдет в свет в ноябре 2002 года в издательстве “Праксис”. В сборнике впервые на русском языке будут опубликованы такие известные тексты Мишеля Фуко, как “Нужно защищать общество”, “Око власти”, “Власть и тело”, “Политическая технология индивидов”, “Жизнь бесславных людей” и др.”

М.Фуко (1926 — 1984) — “французский философ, историк и теоретик культуры. Один из представителей французского структурализма” (Большая советская энциклопедия (БСЭ), изд. 3, т. 28).

“Структурализм — научное направление в гуманитарном знании, возникшее в 20-х гг. XX века и получившее позднее различные философские и идеологические интерпретации. Возникновение структурализма как конкретно-научного направления связано с переходом ряда гуманитарных наук от преимущественно описательно-эмпирического к абстрактно-теоретическому уровню исследования; основу этого перехода составило использование структурного метода, моделирования, а также элементов формализации и математизации. Лежащий в основе структурализма структурный метод первоначально был разработан в структурной лингвистике (или лингвистическом структурализме), а несколько позднее был распространён на литературоведение, этнографию, историю и некоторые другие гуманитарные науки. Поэтому структурализм в широком смысле охватывает целый ряд областей знания, заметно различающихся как по конкретным модификациям структурного метода, так и по его реальной роли в исследованиях” (БСЭ, изд. 3, т. 24).

[3] В своих работах ВП СССР употребил термин “интеллигенция в законе” в 1996 г. в аналитической записке “Провидение — не алгебра…”, посвящённой “новой хронологии” А.Т.Фоменко и Г.В.Носовского. И с 1996 г. мы пользуемся им систематически.

[4] Именно эту роль отечественные либералы некогда приписали А.Д.Сахарову, вопреки тому, что он с нею явно не справлялся и не справился. А после его ухода в мир иной они не могут найти иной культовой фигуры, которой бы они могли приписать снова ту же роль и тем самым создать авторитетную основу для своего сплочения в стадности.

боте не внутри “всеобщего”, “образцового”, “справедливого и истинного для всех”, а в определенных отраслях, в конкретных точках, где сосредоточены условия их профессиональных занятий либо условия их жизни (квартира, больница, приют, лаборатория, университет, семейные и половые связи). От этого они, безусловно, только выиграли, обретя намного более конкретное и непосредственное осознание различных видов борьбы. Ведь они столкнулись там с вопросами, которые были особыми, “не-всеобщими”, зачастую отличающимися от задач пролетариата или же масс. И тем не менее в действительности они сблизились с массами, и, как я полагаю, по двум причинам: потому, что речь шла о реальных видах борьбы, материальной и повседневной, и потому, что зачастую они сталкивались в каком-то ином виде с тем же противником, что и пролетариат, крестьянство или массы — с транснациональными корпорациями, с судебными и полицейскими органами, со спекуляцией недвижимостью и т.д. Эту фигуру мне хотелось бы назвать интеллектуалом-специалистом в противоположность интеллектуалу универсальному.

Эта новая фигура имеет иное политическое значение: она позволила если не спаять, то по крайней мере по-новому сформировать те достаточно близкие категории, которые оставались разобщенными[5]. Ведь до этого интеллектуал был по преимуществу писателем: всеобщей совестью, свободным субъектом, и он противопоставлял себя всего лишь специалистам на службе государства или капитала, то есть инженерам, должностным лицам, преподавателям.

Но как только отправной точкой политизации становится особая деятельность каждого интеллектуала, то писательство как сакрализующий признак интеллектуала постепенно исчезает. Тогда стали складываться условия для горизонтальных связей от знания к знанию, от одной точки политизации к другой, и, таким образом, государственные служащие и психиатры, врачи и социальные работники, сотрудники лабораторий и социологи — каждый на своём собственном месте — смогли путем взаимного обмена и взаимной поддержки участвовать в общей политизации интеллектуалов. Этот процесс выражается в том, что писатель как лицо выдающееся начинает исчезать, а возникают преподаватель и университет, может быть, не как главные составляющие, но как “пункты обмена”, как исключительные точки пересечения. И в этом, безусловно, и кроется причина того, что университет и преподавание становятся политически сверхчувствительными областями. А то, что называют кризисом университета, должно истолковываться не как утрата силы, но, наоборот, как приумножение и усиление его властных воздействий в среде многоликого сообщества интеллектуалов, которые практически все через него проходят и с ним соотносятся”. <…>

Можно предположить, что “универсальный” интеллектуал в том виде, как он существовал в XIX и начале XX века, на самом деле вёл своё происхождение от совершенно определенной политической фигуры: от юриста, законника, от того, кто власти, деспотизму, злоупотреблениям и бесцеремонности богатства противопоставляет всеобщность правосудия и справедливость идеального закона. Ведь в XVIII веке великие политические сражения велись вокруг закона, вокруг права, Конституции, вокруг того, что по природе и согласно здравому смыслу является справедли-

[5] Если оставить высокопарный стиль, то проще говоря к концу XX века капитализм “развитых стран” “опустил” интеллектуалов до уровня пролетариата и крестьянства. Однако этот процесс сопровождался тем, что на основе роста материального производства капитализм смог поднять спектр производства до уровня, позволяющего удовлетворить основные жизненные потребности всех (и крестьянства, и промышленного пролетариата, и интеллектуалов-специалистов), сгладив тем самым остроту проблемы производства и распределения в том общественном явлении, которое марксизм назвал “борьбой классов эксплуататоров и классов эксплуатируемых”. Это и позволяет представить происшедшее как сближение классов, а не как “опускание” интеллектуалов-специалистов в низы социальной иерархии толпо-“элитаризма”.

вым, вокруг того, что может и должно иметь всеобщую ценность. Тот, кого сегодня мы называем “интеллектуалом” (я имею в виду интеллектуала в политическом, а не в социологическом или профессиональном смысле слова, то есть того, кто использует свое знание, свою специализацию, свою связь с истиной ради политической борьбы), появился, как я полагаю, из законодателя или, во всяком случае, из человека, который отстаивал всеобщность справедливого закона, зачастую в противовес профессионалам правосудия (прообразом таких интеллектуалов во Франции был Вольтер). Интеллектуал-универсал происходит из почтенного законодателя и находит наиболее полное выражение в писателе как носителе значений и ценностей, которые любой человек может счесть своими. Напротив, интеллектуал-специалист рождается совсем из иной фигуры, уже не “почтенного законодателя”, а “учёного знатока”. <…>

Мне кажется, что мы живем в пору, когда функция интеллектуала-специалиста должна быть пересмотрена, но вовсе не отброшена, несмотря на ностальгию некоторых по великим интеллектуалам-универсалам. (“Мы нуждаемся, — говорят они, — в некоей философии, в некоем видении мира”). (…) Можно даже сказать, что роль интеллектуала-специалиста должна становиться всё более значимой в соответствии с той разнообразной политической ответственностью, которую ему волей-неволей приходится брать на себя в качестве атомщика, генетика, программиста, фармаколога и т.д. Было бы опасно развенчивать его особую соотнесенность с отраслевым знанием под предлогом того, что это, дескать, дело специалистов, которое не интересует массы (что, однако, вдвойне неверно, поскольку массы осознают этот процесс и в любом случае они в нём задействованы), или что интеллектуал-специалист служит интересам капитала и государства[6] (что, конечно же, правда, но в то же время показывает занимаемое им стратегическое положение), или что ко всему прочему он является носителем сциентистской[7] идеологии (что не всегда верно и, несомненно, имеет лишь второстепенное значение по отношению к тому, что исходно: к непосредственному воздействию рассуждений об истине).

Важно, я полагаю, то, что истина и не за пределами власти, и не без власти (ибо, несмотря на миф, историю и функции которого надо было бы еще критически проанализировать, она не служит наградой для свободных умов, плодом долгого одиночества, привилегией тех, кто сумел освободиться). Истина — дитя мира сего, она производится в нём благодаря множеству правил и ограничений. В нём она хранит упорядоченные воздействия власти. Каждое общество имеет свой режим истины, свою “общую политику” истины, то есть типы рассуждений, которые оно принимает и использует в качестве истинных; механизмы и органы, позволяющие отличать истинные высказывания от ложных; способ, каким те и другие подтверждаются; технологии и процедуры, считающиеся действительными для получения истины; статус тех, кому поручено говорить то, что функционирует в качестве истинного[8].

В обществах, подобных нашему, “политическая экономия” истины характеризуется пятью исторически важными чертами: “истина” сосредоточена в форме научного рассуждения и в институтах, которые его производят; она подвергается постоянной экономической и политической стимуляции (потребность в истине существует как в нуждах экономического производства, так и ради политической власти); она является объектом бесконечного распространения и потребления в разнообразных формах (поскольку она циркулирует в органах образования или информации, прони-

---

[6] В умолчаниях остаётся, кому служат капитал и государство?

[7] Т.е. “элитарной” — корпоративно-научной, если в переводе на русский.

[8] Здесь М.Фуко подменяет субъективными — *культурно-исторически обусловленными* — приближениями к объективной истине саму объективную истину.

зывающих тело общества, несмотря на определённые строгие ограничения); она производится и передаётся не под исключительным, но под господствующим контролем и управлением нескольких крупных политических и экономических институтов (университет, армия, письмо, средства массовой информации); наконец, она является ставкой всякого политического спора и всякого общественного противостояния (“идеологической” борьбы). <…>

Ведь всегда имеет место сражение “за истину” или по крайней мере “по поводу истины”, если, конечно, еще раз вспомнить о том, что под истиной я подразумеваю вовсе не “набор истинных вещей, которые необходимо открыть или с которыми надо заставить согласиться”, но “совокупность правил, согласно которым мы отделяем истинное от ложного и связываем с истиной особые воздействия власти”; надо также понять, что дело идёт не о сражении “за” истину, но о сражении вокруг её статуса, а также вокруг её политической и экономической роли. Поэтому политические задачи интеллектуалов надо осмыслять не на языке “науки и идеологии”, но с точки зрения “истины и власти”. И, таким образом, вопрос о профессионализации интеллектуала, о разделении ручного и умственного труда может быть рассмотрен по-новому.

Всё это, должно быть, кажется очень сомнительным и туманным. Да-да, сомнительным, ведь всё, что я здесь говорю, — по преимуществу гипотеза. Для того чтобы прояснить свою позицию, я хотел бы выдвинуть несколько “положений” — не на правах неоспоримых истин, но лишь в качестве ориентиров для будущих исследований и экспериментов[9]:

— под “истиной” следует понимать совокупность процедур, упорядоченных и согласованных с целью производства, узаконивания, распределения, введения в обращение и в действие того, что высказано;

— “истина” кругообразно[10] сопряжена с производящими и защищающими её системами власти, также с воздействиями власти, которые она вызывает и которые её возобновляют, то есть с “режимом” истины;

— этот режим — не просто идеологический или надстроечный; он выступал как условие образования и развития капитализма. И он же, с оговоркой о некоторых видоизменениях, действует в большинстве социалистических стран (я оставляю открытым вопрос о Китае, которого я не знаю);

— главная политическая задача интеллектуала состоит не в том, чтобы критиковать сопряженные с наукой идеологические положения или же действовать так, чтобы его научная деятельность сопровождалась правильной идеологией; она заключается в том, чтобы знать, возможно ли установление новой политики истины. Надо изменять не “сознание” людей или то, что у них в голове, но политический, экономический, институциональный строй производства истины;

— речь идёт не о том, чтобы освободить истину от всякой системы власти (что было бы просто химерой, поскольку истина сама есть власть), но об отделении власти истины от различных форм гегемонии (общественных, экономических, культурных), внутри которых она действует до сих пор. <…>”

На этом “Независимая газета” прервала публикацию интервью М.Фуко четвертьвековой давности.

---

[9] Весь этот абзац представляет собой не выражение некоего “режима истины”, а выражение режима поддержания концептуальной неопределённости, поскольку всё, что сказал М.Фуко реально имеет место в организации жизни общества и власти в нём. Но оговорка о том, что это — “всего лишь гипотеза”, позволяет мотивированно уклониться от принятия на себя заботы и ответственности, не ударив в грязь лицом и сохранив самосознание порядочного человека.

[10] Вообще-то спирально. Если кругообразно, то это фашизм.

Но по сути М.Фуко во фрагментах интервью, завершающих публикацию в “НГ”, огласил, что владение методологией познания обладает наивысшей значимостью в жизни личности и общества, т.е. это — первоприоритетные знания и навыки, которые должна давать система праведного образования.

Кто этого не понял — тем хуже для них: при господстве в толпо-“элитарном” обществе нравственности порабощения окружающих он, настаивая на том, что М.Фуко высказал всего лишь гипотезу, которая якобы никого и ни к чему не обязывает, обрекает себя на то, чтобы ишачить на тех рабовладельцев, кто обладает более высокой методологической культурой, чем он сам.

3. “Почтенные законодатели” — интеллектуалы “над законом”

На сайте информационного агентства “Стрингер”[11] 5 октября 2002 г. была опубликована статья доктора юридических наук, действительного члена РАЕН Александра Лагуткина “Россия без жрецов”. Публикация начинается с вопроса:

“Мы часто удивляемся: СССР был такой сильной страной, а вот, поди ж ты, на даче в Беловежской пуще три человека за два часа развалили самую великую страну двадцатого века. Легко. <…>

Отчего же это происходит? Вероятно, современные специалисты по управлению не вывели основной закон, который применим для анализа и прогноза функционирования как большой, так и малой системы: нации и человека”[12].

После этого автор переходит к изложению своего понимания этого вопроса и ответа на него.

“Думаю, читатель не сочтет цинизмом утверждение, что от рождения до смерти в человеке заложена программа, которая и управляет его поведением и судьбой. Это встроенная, генетическая программа.

На уровне инстинктов и рефлексов поведенческие программы не допускают степеней свободы. Программа “любовь”[13], обеспечивающая воспроизводство и сохранение человека как вида, “запускается” во вполне определенном возрасте и “выключается” после достижения индивидуального возрастного рубежа.

Программа “патриотизм”, которая в нашей стране нечто вроде фетиша, — это на самом деле охрана кормовых угодий. Попутно заметим, что в основе программы “патриотизм” всегда и всюду лежит ксенофобия, поэтому оперировать этой программой следует с особой осторожностью[14].

Программа “совесть” — косвенно подтверждает существование Бога.

Действие этой программы обусловлено нарушением индивидуумом морально-нравственных программ, действующих в соответствующем обществе. Проявление этой программы носит двоякий характер. С одной стороны, человек испытывает угрызения совести (психический дискомфорт), а с другой, — она проявляется в покраснении лица, бегании глаз и других внешних признаках, то есть сигнализирует о том, что данный индивидуум представляет опасность для окружающих. Именно эта

---

[11] Интернет-адрес: http://www.stringer-news.ru/

[12] Иными словами, “специалисты по управлению” не являются носителями должной методологической культуры, которая позволяет выявлять такого рода проблемы, переводить их в разряд задач и решать эти задачи на радость себе и окружающим.

[13] Вообще-то любовь — от Бога, а то, о чём идёт речь, — секс, половые сношения, мужские и женские инстинкты в действии.

[14] При господстве в обществе животного строя психики и демонического в “элите” — “патриотизм” действительно включает в себя культурные оболочки инстинктивных программ охраны и расширения кормовых угодий стада или стаи. Непонимание взаимосвязей общебиологического и специфически социального в жизни человечества и каждого из обществ и порождает оговорки о “ксенофобии” и необходимости пользоваться в политике “патриотизмом” “с осторожностью”.

врожденная программа склоняет к мысли о неоспоримости утверждений Ветхого Завета о непосредственном участии Господа в главном событии шестого дня творения, так как эта программа крайне невыгодна для каждого человека в отдельности[15], но заставляет его и окружающих задумываться не о материальном мире, а о непреходящих духовных ценностях. <…>

Наряду со встроенными генетическими программами есть и искусственные, созданные “жрецами”. Иначе говоря, элитой[16].

В самом деле, интеллектуальная элита является ядром любого народа, любой нации. Именно интеллектуальной элите отведена миссия создавать поведенческие программы для всего социума, среди которых главные можно назвать ПАРАДИГМАМИ. Это религии и идеологии. Без этих поведенческих программ, или ПАРАДИГМ существование любого народа, нации невозможно.

Эта мысль пришла в голову даже бывшему президенту России Борису Ельцину. И он даже её высказал. И одно время совершались попытки сформулировать национальную идею для современного российского народа. Но попытки были невнятными. И выстроить парадигму при Ельцине так и не удалось. То ли было некому, но, скорее всего, те, кто должен был это делать, оказались не у дел, не востребованы властью[17].

И мы продолжаем жить без идеологии. Почему не хотят протереть на это глаза люди, находящиеся у власти, и осознать, что создание парадигмы — необходимая для самосохранения нации задача?

Интеллектуальной элите изначально присуще неотъемлемое свойство создавать вокруг себя воспитательно-образовательную систему, которая играет двоякую роль: встраивать в умы людей поведенческие программы и одновременно рекрутировать в свои ряды наиболее одаренных представителей самой себя.

История ярко демонстрирует, что разрушение интеллектуальной элиты ведет к гибели государства, а то и нации. Древнеегипетская жреческая каста, составлявшая интеллектуальную элиту Египетского государства, создала воспитательно-образовательную систему, поведенческие установки (программы), обеспечивавшие существование Египта в сложнейших геополитических условиях на протяжении нескольких тысячелетий.

Период захвата Египетского царства гиксосами пришёлся как раз на время разрушения прежней программы, то есть подрыва “боевого духа”, “духа патриотизма”, веры в свои силы. Именно на эти промежутки времени в истории приходились удачные захваты и завоевания. Известно, что одержать победу над целым народом невозможно. С точки зрения теории управления, гиксосы всё сделали правильно. Они расчленили Египет и захватили командные высоты, но допустили одну серьезную ошибку: не тронули интеллектуальную элиту[18]. Жреческая элита, являвшаяся эзотерической по существу и методам своей деятельности, ушла в глубокое подполье и за несколько столетий выстроила новую поведенческую программу на основе новых религиозных установок (Озирис-Гор — расчленение и собирание в единое

---

[15] Это так — исключительно при извращённой внутренне-конфликтной нравственности субъекта: жить в ладу с совестью — выгодно всегда и во всех отношениях.

[16] Это — главная ошибка: жречество, занимающееся жизнеречением, по своей сути неэлитарно, поскольку чем больше притязаний на элитарность, тем меньше способностей к жизнеречению.

[17] Как гласит суфийская мудрость, *худшие из мудрецов ищут встреч с правителями, лучшие из правителей ищут встреч с мудрецами*. Соответственно, в России эпохи Ельцина и нынешней — всё нормально.

[18] Т.е. всё сделали неправильно, вопреки тому, что утверждается в предшествующим предложении со ссылками на “теорию управления”. Это означает, что представления о теории управления и её приложениях к политике у А.Лагуткина — ошибочные либо вследствие того, что он ознакомился с ошибочной версией теории управления, либо вследствие того, что не понял правильную.

целое), которая обеспечила эффективную освободительную борьбу и существование Египетского государства на протяжении еще почти двух тысячелетий[19]. <…>

Создание любого механизма, агрегата, простого или сложного, проходит неизбежные этапы: мыслеформа конструктора, перенос её на бумажные или магнитные носители и только затем — большая и многотрудная работа технологов (выбор станочного парка, инструментов, материалов, создание технологических цепочек). Но никакой, самый гениальный технолог не может выстроить технологию создания хотя бы письменного стола без проекта. Именно поэтому все усилия современных экономистов бесплодны: нет модели для экономистов (технологов) — нет и готовой продукции, и быть не может. Даже в условиях неэффективной социалистической системы удавалось разрабатывать удачные экономические технологии, пока имелась управленческая модель, в рамках которой иногда плодотворно работали те или иные экономические программы. К сожалению, мы живем в условиях отсутствия единой управленческой модели на протяжении последних десяти лет. Поэтому можно утверждать, что прогноз дальнейших событий далёк от оптимизма. Сегодня трудно найти лентяя, не пнувшего власть тем или иным способом. Ситуация же требует адекватной реакции, надо помочь оперативно сконструировать управленческую модель и запустить её”.

Проще говоря, чтобы общество жило и развивалось, в нём должны быть интеллектуалы “над законом”, не стесняющие себя действующим законодательством, но вопрос о том, кто, чем и как должен ограничить их в возможностях вседозволенности, дабы защитить от неё остальное общество, — остался в умолчаниях, как и ответ на него…

4. Государство как воплощение нравственной идеи, но какой идеи?

Интернет-издание “Русский журнал”[20] 27 сентября 2002 г. опубликовал статью Александра Мелихова “Хранитель сложности”. Он пишет:

“Поскольку телевизор я включаю совершенно случайно, то доносящиеся до меня высказывания видных деятелей культуры и общественной мысли о назначении государства наверняка можно считать репрезентативными. Редактор уважаемой газеты: правительство — это люди, которых мы нанимаем, чтобы они занимались нашими делами. Известный кинорежиссер: государство — это пенсионный фонд для защиты слабых, это полиция для поддержания порядка на улицах. Известный журналист: государство — это служба быта, это ЖЭК и прачечная. Хорошенькая прачечная, которая устанавливает законы для миллионов “физических лиц” и могущественных корпораций!

Кант вообще считал, что государство создаётся самой природой нашего разума в его стремлении обрести универсальные законы социального существования: цель государства вовсе не счастье граждан (деспотизм или “естественное состояние” надежнее ведут к нему), а “высшее согласие с принципами права”. Но Кант ладно — он идеалист. С Платоном можно тоже не считаться — его представления о государстве проникнуты духом тоталитаризма, а при демократии это клеймо в тысячу раз опаснее, чем кличка “индивидуализм” во времена советской власти, — хотя

---

[19] Но вопрос о том, какая ПАРАДИГМА — ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ПРОГРАММА, произведённая “элитой”-“жречеством”, привела древний Египет к краху, А.Лагуткин рассматривать не стал. А это — ключевой вопрос к пониманию истории всей Западной региональной цивилизации и истории России; ключевой вопрос к пониманию их прошлых и настоящих кризисов, поскольку библейская культура (“парадигма” — в терминах А.Лагуткина) расползлась из Египта.

[20] Интернет-адрес: http://www.russ.ru/. Кроме того, судя по публикациям, журнал “элитарно”-жидовский (в смысле толкования слова “жид” В.И.Далем), хотя и называется “русским”.

“тоталитарный” означает не более чем “целостный”, “всеобщий”[21]. Но что же за нечистая сила из века в век сносит выдающиеся умы в тоталитарную сторону? Эта сила — ужасы и безобразия, творимые освобожденными индивидами. Гоббс оказался свидетелем всего-то Английской революции и уже пришел к выводу, что все жестокости, совершаемые сувереном во имя поддержания своей власти, ничто перед ужасами “естественного состояния” — войны всех против всех[22].

Весьма вероятно, что Гоббс хватил через край — но как можно вообще не считаться с его мнением? Какое счастье, что равноправие не допущено в науку, — попробовал бы кто-нибудь “озвучить” что-то самодельное, скажем, о природе атома, игнорируя мнения Бора и Резерфорда[23]! Зато в репортаже из какого-то Коми-Чукотского избирательного участка трогательная старушка в платочке при полном одобрении телерепортера объясняет, какими должны быть парламентские депутаты: “Чтобы они подчинялись нам, слушались нас, заботились о нас”, — дух века вот куда зашел... Дух, гласящий: “Государство должно служить человеку”[24].

Видит Бог, до чего мне хотелось бы обустроить старость этой прелестной бабульки, и все-таки когда властители дум рассуждают на её уровне, когда они с важным видом учат всю страну, что государство существует ради бытовых нужд населения... Ведь это так негуманно и нелиберально — задумываться о том, что подавляющему большинству избирателей совершенно безразлично, будет ли в России развиваться высшая алгебра, востоковедение, астрофизика, сложная литература для знатоков и живопись, которая сделается достоянием хотя бы образованных масс лет через сорок-пятьдесят. Подавляющее большинство населения, вполне вероятно, согласилось бы распродать Третьяковскую галерею и Эрмитаж, чтобы накупить бесплатных лекарств для пенсионеров и настроить квартир для молодоженов, — не следует ли отсюда, что неустранимая обязанность государства — заботиться о таких нуждах общества, которые большинству населения безразличны, а требуются лишь обществу как целому[25]?

Это только на поверхностный взгляд население страны есть то же самое, что и её общество. Как человек не сводится к груде клеток, составляющих его печень, мозг, глаза и ногти, так и общество не сводится к массе составляющих его частных лиц: население обновляется каждые пятьдесят-семьдесят лет — общество живёт века, — если бы общество сводилось к населению, сегодняшняя Россия и Россия пушкинская не имели бы между собой ничего общего. Но общество — это структура, это взаимосвязь органов, клетки которых чрезвычайно дифференцированы в зависимости от выполняемых органами функций, причем функции эти практически не меняются при замене прежних клеток новыми. Взять хотя бы пресловутую “утечку мозгов”: если лучшие физики-теоретики уезжают за границу, это ослабляет творческую силу российского общества, но не меняет его структуры; а вот если по всей

---

21 Соответственно в противопоставлении такому пониманию “тоталитаризма” “демократизм” должен означать “расколотый”, “своекорыстный”? Хотя так и не должно быть, но реально в толпо-“элитаризме” “демократизм” именно это и порождает.

22 Здесь следовало сказать иначе, и это было бы правильно: “… естественного состояния *индивидуалистов* — войны *всех индивидуалистов* против всех”.

23 Бывало такое, что выступали некоторые не то, что люди из толпы, но профессиональные физики против теории относительности А.Эйнштейна, так их оппоненты, тоже физики, почему-то сразу же начинали строчить доносы в ЦК. См. Ю.И.Мухин “Убийство Сталина и Берия” (Москва, “Крымский мост - 9Д”, “Форум”, 2002 г.).

24 Государственность, которая этого не делает, достойна уничтожения. Что будет с его чиновниками, считающими, что государственность и население должны служить им — определяется нравственностью и властностью тех, кто займётся уничтожением такой государственности.

25 На наш взгляд, только идиот или мерзавец может противопоставлять заботу государства о нормальном быте населения его же заботе о развитии искусств, фундаментальных наук и много другого.

России вовсе закрыть кафедры теоретической физики, это уже будет радикальным упрощением самой общественной структуры.

И сколь ни важно в каждой профессии сохранить выдающиеся личности — в долгосрочной перспективе, быть может, еще важнее сохранить порождающую их структуру, одни органы которой занимаются обороной, другие продовольствием, третьи полицейским порядком, четвертые отоплением... И пока мы будем перечислять структурные единицы первой необходимости, боюсь, на них уйдут практически все ресурсы избирательского внимания и понимания. Кажется, Гоббс упустил из виду, что всегда готовы вступить в борьбу между собой не только "физические лица", но также и органы общественной структуры. И в этой борьбе органы хрупкие, сложные, не защищенные физической силой или злободневной важностью своих функций (наука, добывающая абстрактные знания, культура, доставляющая возвышенные переживания, образование, воспроизводящее науку и культуру) непременно проигрывают органам простым, сильным, обеспечивающим повседневное выживание. Поэтому допущение свободной конкуренции приводит к резкой примитивизации общественной структуры: для сохранения её сложности прежде всего и необходим этот специальный орган — государство.

Более того, стратегическая важность каждого общественного слоя заключается прежде всего не в тех услугах и продуктах, которые он производит, а в тех ценностях, которым он поклоняется, — точнее, поклоняется его элита; поэтому сохранение структурной сложности общества есть прежде всего сохранение элит — элиты научной, элиты культурной, элиты крестьянской, военной и так далее. Но разве не очевидно, какие из этих элит больше нуждаются в попечении? Если говорить не об индивидах, а о структурных единицах, об их функциях и ценностях, то окажется, что государство действительно защищает слабых и утонченных от сильных и примитивных, — может быть, именно поэтому Гегель называл государство воплощением нравственной идеи. <…>

Российский революционаризм когда-то и начинался с того, что "страдания народа" — бытовые нужды населения — поставил безоговорочно выше нужд общественной структуры. Страшная месть за это пала и на население, и на структуру, примитивизировавшуюся до уровня серпа и молота (плюс наган).

Надо ли повторять эти ошибки? Если интеллигенция действительно желает быть совестью народа, она должна быть не лоббистом каких-то частных общественных нужд, а представителем нужд общественного целого, — притом что и они непостижимо сложны и трагически противоречивы. Но без сохранения всей этой сложности и противоречивости не уцелеет и сама интеллигенция — не уцелеют ни разум, ни совесть, ни наука, ни культура. Поэтому вопрос "Может ли интеллигенция сотрудничать с властью?" относится к разряду детских: интеллигенция может и обязана по мере возможности использовать власть в своих целях. То есть в интересах общественного целого. А следовательно, прежде всего в интересах хрупкого и сложного".

Может показаться, что это тоже призыв к преображению интеллигенции в общенародное жречество. Однако не надо обольщаться: это вовсе не призыв к преображению интеллигенции в общенародное жречество и построению государства, обеспечивающего общественную безопасность и свободное развитие всякого рождённого до воплощения собой *достоинства человека во всей его полноте.* Это — всего лишь попытка соорудить мировоззренческий "укрепрайон", опираясь на который, А.Мелихов пытается дать генеральное сражение во имя идеи, а не корысти ради. Сама же нравственная идея, ради которой всё это затеяно, в этой статье им ещё не оглашена.

5. Фашиствующие “антифашисты”

Тот же самый “Русский журнал” 8 октября 2002 г. опубликовал другую его статью “Кто такие фашисты и как с ними бороться?” В ней А.Мелихов пишет:

“Если 26 сентября вы пропустили телебеседу министра культуры Михаила Швыдкого с Глебом Павловским и Борисом Немцовым о том, что такое фашизм, вы много потеряли. Ибо научного (юридического) определения фашизма нет как нет[26], а так — хоть что-нибудь да услышишь. А то слово “фашист” враждующие политические группировки расточают столь охотно, что оно уже сделалось неопределённым ругательством, вроде слова “мерзавец”. Телесобеседники тоже не стремились к академической точности, предпочитая метафоры и частные примеры: так, было отмечено, что милицейская проверка документов по национальному признаку уже содержит в себе семена фашизма. Б.Немцов же резюмировал дискуссию следующим образом. Перефразируя Черчилля (“В Англии нет антисемитизма, потому что мы не считаем себя глупее евреев”), лидер СПС объявил, что если мы не будем считать себя глупее евреев, негров, геев, то никакого фашизма не будет.

Но... Многие ли считают себя глупее “негров” и “геев”[27]? Антипатия к ним базируется уж на чём угодно, только не на предполагаемом избытке их ума, — скорее, они делают жизнь более сложной[28], более противоречивой, чем хотелось бы тем, кто желал бы, чтобы жизнь вечно оставалась в когда-то кем-то установленных рамках. Авторитетных рамках. Чтобы по любому спорному вопросу существовало единственно правильное мнение[29].

Психологическая основа фашизма — стремление к простоте; фашизм — это бунт агрессивной простоты против непонятной и ненужной сложности социального бытия. Фашист — совсем не обязательно мерзавец в бытовом понимании этого слова, фашист — это всего лишь простой человек, взявшийся решать политические вопросы непомерной сложности.

Спешу оговориться: выражение “простой человек” в данном случае не означает — “человек необразованный”; “простой человек” в нашем контексте — это человек, твердо придерживающийся какой-то простой модели социального бытия, модели, свободной от противоречий и непредсказуемости, *дающей однозначный ответ на все существенные вопросы*[30]. Поэтому сапожник, не берущийся решать, каким должен быть мир, человек непростой, профессор же, который обо всем на свете знает, “как надо”, — тот проще пареной репы.

В расхожей публицистике фашизмом часто называют все формы агрессивного национализма, но я не думаю, что стоит называть фашистом какого-нибудь английского колонизатора, который покоряет туземцев огнём и мечом и вместе с тем

---

[26] Именно по этой причине, если Вы пропустили эту телебеседу, то Вы не только ничего не потеряли, но даже имели возможность заниматься чем-то более полезным.

[27] А если некоторая часть евреев считает себя умнее “гоев” (т.е. неевреев), то они — фашисты? либо это не фашизм, а “закон природы”, которому должны подчиниться неевреи? Но если это “закон природы”, то почему “умники” довели дело до глобального биосферно-экологического кризиса?

[28] Напомним, что предыдущая статья называлась “Хранитель сложности”. Соответственно, государственность обязана заботиться о том, чтобы плодились геи и прочие уроды и сумасброды, а нормальное население должно на это ишачить?

[29] А что: “спорный вопрос” должен быть подвешен в не разрешённом состоянии неопределённо долгое время для того, чтобы, болтая о нём попусту в предположительно-гипотетическом стиле, пример чего предоставил М.Фуко, говоруны, отличающиеся разрухой в умах и несообразительностью, паразитировали бы на остальном обществе под видом того, что они заняты “сложной” наукой?

[30] Текст выделен курсивом нами при цитировании. Вот А.Мелихов и проболтался: оказывается ему неприемлемо стремление не к простоте, а стремление к определённости, достаточной для того, чтобы выявлять и разрешать проблемы, возникающие в жизни общества.

гордится британскими свободами для внутреннего употребления[31]. Более того — истинный фашизм стремится прежде всего “навести порядок” внутри собственного народа, резко упростив его структуру, уничтожив все “паразитическое”[32], “лишнее” — а для простого человека на свете ой как много лишнего… <…>

…суть фашизма не в терроре, не в диктатуре и не в национальной дискриминации — к этим средствам (как временным!) в кризисных ситуациях, случается, прибегают и самые либеральные партии и государства — с той разницей, что они не считают эти средства нормой и отказываются от них по мере ослабления опасности[33]. Суть фашизма в несовместимой с жизнью упрощенности целей, которые он навязывает обществу, в несовместимой с жизнью упрощенности социальной структуры, которая им для этих целей навязывается все тому же многострадальному обществу: простота фашизма неизмеримо хуже воровства демократии[34], но простой человек этого не понимает.

Не случайно фашизм преспокойно является в мир демократическим путем, ибо в роковые минуты простые люди способны образовать сплоченное большинство, но увести себя тем же путем он уже не позволяет. И только когда джинн уже выпущен из бутылки, простой человек начинает соображать, что он натворил. И начинает обращаться в фашиста какого-то иного толка. Ибо, вступая в активную политику, простой человек никем иным быть не может.

Поэтому единственно надежная профилактика фашизма — держать простого человека подальше от политики. Разумеется, невозможно создавать для него отдельные телепередачи, издавать отдельные газеты (хотя — почему бы нет?..), но нужно, по крайней мере, самим не звать его на помощь, не будить в нём фашиста —

---

[31] А мы полагаем, что описанный тип представляет собой одну из разновидностей фашизма.

[32] А всё же: как относиться к паразитам и паразитизму как составляющей культуры толпо-“элитарного” общества. Если вы паразит, то понятно, что паразитам и субкультуре “цивилизованного” паразитирования желательно гарантировать неприкосновенность. А если Вы не паразит, то с точки зрения носителей субкультуры паразитирования, если верить А.Мелихову, Вы — фашист. Но может всё же суть фашизма — в паразитировании, изворотливо прикрывающего эту свою суть какими-то иными декларациями, в том числе и “антифашистскими”, и соответственно А.Мелихов, обходя стороной вопрос о паразитизме, — сам пропагандист одной из разновидностей фашизма?

[33] Собственно это и провозглашалось при создании ВЧК в 1917 г. Тем не менее, А.Мелихов именно большевизм за его стремление избавиться от паразитизма меньшинства на труде и жизни большинства и за стремление к определённости (а не к простоте примитивизма) относит к разновидностям фашизма, выгораживая тем самым меньшивизм и троцкизм, чьи представители злоупотребляли властью в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД.

[34] В этом определении фашизма как раз и выражается фашиствующий либерализм — та простота, которая хуже воровства, поскольку:

Суть фашизма как такового вне зависимости от того, как его называть, какими идеями он прикрывается и какими способами осуществляет власть в обществе, — в активной поддержке толпой “маленьких людей” — ***по идейной убеждённости их самих*** *— системы злоупотреблений властью “элитарной” олигархией, которая:*

- *представляет неправедность как якобы истинную “праведность”, и на этой основе, извращая миропонимание людей, всею подвластной ею мощью культивирует неправедность в обществе, препятствуя людям состояться в качестве человека;*
- *под разными предлогами всею подвластной ею мощью подавляет всех и каждого, кто сомневается в праведности её самой и осуществляемой ею политики, а также подавляет и тех, кого она в этом заподозрит.*

Толпа же по определению В.Г.Белинского — “собрание людей, живущих по преданию и рассуждающих по авторитету”, т.е. толпа — множество индивидов, живущих бессовестно. И неважно выступает ли правящая олигархия публично и церемониально, превозносясь над обществом; либо превозносится по умолчанию, публично изображая смирение и служение толпе, именуя её народом; либо действует скрытно, уверяя общество в своём якобы несуществовании и, соответственно “несуществованию”, — в своей бездеятельности, в результате которой всё в жизни общества течёт якобы “само собой”, а не целенаправленно по сценариям концептуально властных кураторов олигархии.

не возбуждать в нём чувства, что без него страна погибнет: ведь именно ради спасения страны, а то и человечества простой человек и творил все свои красно-коричневые кошмары[35]".

Часть II. Как выстраивается "мозаика"

Все приведённые выше по публикациям в СМИ конца сентября — начала октября 2002 г. — мнения разных "персон грата" (для каждого из изданий — свои "грата" и нон грата") о политике[36] заставляют вспомнить известную многим притчу о том, как слепцы осматривали слона: один ощупал хвост, другой хобот, третий ноги и т.п., в результате чего, во-первых, каждый из них пришёл к своему мнению (слон похож на верёвку, на свисающего с дерева удава, на колонны и т.п.), а во-вторых, неверие другим, упорствование в ограничении собственного миропонимания исключительно своим знанием, противопоставляемым знанию других, и нежелание подумать об источнике несовпадения во мнениях — в конце концов привело слепцов ко всеобщей ссоре "по поводу истины".

Конечно, интеллектуалы-специалисты, выступая в СМИ, излагают каждый своё узко-профессиональное, и их знания — в каких-то своих аспектах — действительно могут быть разделены непреодолимыми для каждого из них понятийными пропастями. Соответственно в обществе есть потребность в интегрировании всего узко-профессионального и частного во всеобщее, объединяющее бесконфликтно всех[37], однако корпус редакторов-профессионалов и философов, которые по своему профессиональному положению казалось бы обязаны сводить в объемлющее знание мнения частных интеллектуалов-специалистов (т.е. лепить из частных мнений жизненный образ "слона"), — явно не справляются с этой миссией. И это объемлющее знание должно быть таким, чтобы члены одного и того же общества могли бы его освоить и на его основе привести в лад жизнь свою, людей в обществе, взаимоотношения цивилизации с биосферой и т.д.

Однако в России этого не происходит вопреки тому, что в *деле преобразования калейдоскопа разрозненных частностей (отчасти достоверных, а отчасти недостоверных или даже злонамеренно ложных) в объединяющую их жизненно состоятельную мозаику* нет ничего запредельного ни для интеллектуала-специалиста, ни для так называемого "простого человека".

Но прежде, чем показать процесс построения мозаичных взаимосвязей всех частных мнений, высказанных разными "персонами грата", вспомним ещё одно показательное событие. 12 сентября программа "Культурная революция" была посвящена теме "Никто не хочет знать историю". Кроме обычного ведущего — министра культуры РФ М.Е.Швыдкого — в ней выступали А.Н.Сахаров (директор Института Российской истории РАН) и кинорежиссёр А.С.Смирнов (снятый им фильм "Белорусский вокзал" известен почти всем; его отец — пи-

---

[35] А какого цвета кошмар описан в Библии в книге Есфири? Либо праздник пурим — в ознаменование уничтожения всех неугодных иудеям персов без следствия и суда — не фашизм и не кошмар?

[36] История как таковая, а не исторический миф о ней — это тоже политика, но свершившаяся в прошлом. А вот культовый миф об истории (политике прошлого) — политика настоящего, влекущая за собой последствия в будущем.

[37] В противном случае разобщение и конфликты в нём неизбежны, и в перспективе по мере роста энерговооружённости индивидуалистов они могут стать самоубийственными для всего человечества: вообразите, что снайпер, с начала октября терроризирующий жителей федерального округа Колумбия и прилегающих к нему районов США (к 17 октября им было убито 9 человек и двое ранены), вооружён не снайперской винтовкой, а техническими средствами перехвата управления стратегическими ядерными силами. Он, конечно, — псих, но то, что он — псих, представляет собой выражение того, что фронт конфликта каких-то частностей в данном случае проходит не между разными личностями, а в пределах психики одной личности. Но культура современного нам западного и российского общества такова, что под её властью гарантированно воспроизводятся психи, в том числе и психи-агрессоры.

сатель С.С.Смирнов, исследователь истории обороны Брестской крепости, один из тех, кто работал на то, чтобы пелена забвения не сокрыла прошлое от новых поколений). Кто из них доказывал, что народ не желает знать истинную историю, а кто возражал, — не запомнилось, настолько это было бесцветным, хотя в программе и было указано на разницу между историей как таковой и культовыми историческими мифами, что подразумевает: тему передачи М.Е.Швыдкой заявил двусмысленно и потому некорректно. Как следует понимать её название: Никто не желает знать культовых мифов? либо действительно никто не желает знать реальной истории?

Запомнилось другое: когда встал вопрос о закономерностях течения истории и её познаваемости, ни собеседники, ни ведущий, ни кто-либо из сидевших в зале приглашённых не вспомнил высказывания историка конца XIX — начала XX века В.О.Ключевского, "закономерность исторического явления обратно пропорциональна его духовности". Всякий, кто вспомнил бы его в аудитории программы и прокомментировал бы в связи с современностью, — вывел бы дискуссию из порочного круга пустой болтовни[38].

Действительно, если "духовность" (во всех смыслах этого слова) неизменна, то история повторяется как постановка одной и той же пьесы, хотя декорации и актёры, играющие одних и тех же персонажей, меняются если не год от года, то век от века, а очередной режиссёр-постановщик придаёт каждому спектаклю некоторое своеобразие. В этой связи обратим внимание и на то, что А.Шубин пользуется термином "исторические персонажи", а не "исторические личности": разница в том, что персонажи — продукт художественного вымысла, а личности — часть реальности. Поэтому, хотя попадание двух Боингов в небоскрёбы Нью-Йорка 11.09.2002 г. выглядит не совсем так, как нападение ВМС Японии на Перл-Харбор 07.12.1941 г., но если отряхнуть шелуху, суть — одна и та же: подстава своих под бой для того, чтобы изменить политический курс под благовидным предлогом "наших бьют!".

Но приведённый афоризм В.О.Ключевского справедлив и по отношению научно-исследовательской деятельности: чем ниже духовность — тем больше компиляции[39] из *источников фактических данных* и перепева на свой лад ранее написанных работ других авторов. При этом компиляция и перепев ориентируются на удовлетворение требований и ожиданий властей предержащих, и тем меньше открывается нового знания, вопреки тому, что истина — сама по себе власть, на что указал ещё Христос[40] и какое мнение высказал М.Фуко в цитированном ранее интервью, вследствие чего истина, а тем более Правда-Истина способна ниспровергнуть любые земные власти.

Вопреки этой господствующей практике компиляции и перепева, история — действительно наука точная, как и всякая другая наука. Но точность во всякой науке обладает своеобразием: если в арифметике это количество знаков, с которыми ведутся вычисления, то во всех других науках *точность каждой из них — определённость смысла каждого термина при его употреблении,* что и позволяет однозначно соотносить научно-теоретические описания (некий текст) и реальное или возможное течение процессов в жизни, относимых к компетенции той или иной отрасли *науки вообще*.

Что касается истории, то всякий исторический процесс (если не мелочиться в перечислении набора базовых понятий) может быть описан:

---

[38] Директор Института истории России РАН — просто в силу своей профессиональной специализации, казалось бы должен был знать это высказывание В.О.Ключевского и понимать его значимость, руководствоваться им в своей профессиональной деятельности и в беседах на исторические темы с "простыми людьми", профессиональными историками не являющимися. То же касается и А.Шубина, руководящего Центром по изучению истории России в Институте всеобщей истории РАН.

[39] Сведение в один текст фрагментов других текстов.

[40] От Иоанна, 8:32: "…и познаете истину, и истина сделает вас свободными".

- с точностью до “толпы” и “личности” — вождя, гения, великого и мудрого или низкого и подлого, в зависимости от того, с позиций ***какой концепции*** организации жизни общества смотреть;
- с точностью до церковного ордена или политической партии;
- с точностью до глобального заговора многих поколений римских пап, российских императоров, коммунизма, фашизма, анархизма, гомосексуализма и т.д.;
- с точностью до мондиализма и других разновидностей “жидомасонского” заговора, объемлющего все ранее упомянутые и не упомянутые глобальные “заговоры”;
- с точностью до осатаневшего надиудейского знахарства (“жречества”), наследующего во власти жречеству древнего Египта, и деятельности не подчинившихся ему национальных жречеств (иными словами, с точностью до концепций организации жизни национальных обществ и человечества, выражаемых тем или иным жречеством или знахарством);
- с точностью до отношений земного человечества с иными цивилизациями, ***иерархией*** сатаны и ***Царствием Бога — Творца и Вседержителя*** (Промыслом Божиим).

Соответственно, выбирая осознанно или бессознательно стандарт точности описания событий прошлого, историк тем самым предопределяет результат своей научной деятельности:

Минимальный стандарт точности в истории — хронологически достоверная регистрация фактов, не претендующая на выявление каких бы то ни было причинно-следственных связей между ними — как в прошлом, так и между прошлым и *многовариантно возможным — потому управляемым на основе предсказуемости* — будущим.

В пределах этого стандарта точности отечественные историки — профессионалы-повествователи[41] — работали весь XX век и работают в настоящее время. Так из их писаний можно узнать, что 07.11 (25.10) 1917 г. произошло некое событие, в котором приняли участие Ленин, Троцкий, Сталин, некоторые другие исторические личности и безымянные массы, которое повлияло на дальнейшее течение всей мировой истории, по крайней мере в XX веке. А вот всё остальное в их писаниях — концептуально не определённые, “идеологизированные” или “неидеологизированные” оценки исторических личностей, безликих масс и результатов и тенденций. При соблюдении подчинённости этому стандарту точности историкам важно не переругаться в пределах своей корпорации до такой степени, что она распадётся, что неизбежно испортит отношения со спонсорами.

Собственно это признаёт и сам А.Шубин в ранее цитированном выступлении:

“Важная часть нашей работы — редактура, поиск ошибок друг за другом, сглаживание идеологизированных оценок[42]. (…) Мировоззренческое различие подходов к предмету не должно мешать общаться. Если моя позиция подкрепляется аргументами и доказательствами, то в данный момент я уверен в том, что из них вытекает, и именно это проповедую. Появляются новые аргументы, новые данные — я готов корректировать точку зрения”.

Но сказанное им приводит к вопросу, *а готов ли историк отказаться от своего прежнего мировоззрения и выстроить новое, либо он готов только изменить точку зрения в пределах, допускаемых его мировоззрением?* Ответ на этот вопрос даёт сам А.Шубин:

“...важной проблемой современного гуманитарного знания является отсутствие системы координат. После того как отечественная историческая наука отбросила монополию марксизма, в ней нет общепринятого представления о закономерностях истории. В связи с этим у части историков существует ощущение, что надо игнорировать макротео-

---

[41] Археологии и архивисты в данном случае не в счёт.

[42] Т.е. поддержание концептуальной неопределённости.

рии и заниматься только частным знанием. На мой взгляд, это крайность, противоположная марксизму…”.

Т.е. под давлением политической конъюнктуры и обстоятельств от марксизма отказались, а выстраиванием какого-то иного мировоззрения и способа миропонимания на его основе не занимаются. Именно по этой причине и существует проблема отсутствия “системы координат” в гуманитарных науках, под сенью которой гуманитарные науки превращаются в легализованный способ паразитизма, поскольку утрачивают не только прямые, но и опосредованные связи с выявлением реальных жизненных проблем и их разрешением[43].

“Система координат” в любой науке — набор упорядоченно взаимосвязанных базовых понятий (определённых по смыслу терминов, однозначно соотносимых с предметной областью науки), на основе которых строится описание реальных жизненных явлений и проектов деятельности на будущее; на её основе работает и логика, к употреблению которой в истории призывал А.Шубин. Если такой “системы координат” нет, — то соответствующая наука не может быть точной, т.е. не может быть наукой и представляет собой наукообразный трёп “по поводу истины”, в котором крупицы истины (в исторической науке это — причинно-следственные связи политики прошлой и политики текущей) всё же иногда попадаются в виде исключения из господствующей нормы.

Но если Вы смогли сформировать “систему координат” исторической науки, задавшись набором упорядоченно взаимосвязанных базовых категорий, однозначно соотносимых с реальной жизнью, как это сделали мы выше, то соотносясь с нею, можно увидеть сквозь декорации и сценические эффекты, что в театре обозримой истории человечества большей частью идут одни и те же пьесы с одними и теми же персонажами.

Если Вы прошли этим путём сами или хотя бы проследили этот путь по описаниям, сделанным другими[44], то тем самым Вы уже постигли одну из исторических закономерностей и сможете кое-что даже предвидеть в политической перспективе. И достижение этого рубежа открывает перед Вами новые возможности.

Если то, что предвидится и исполняется, вас устраивает, то у Вас нет причин для того, чтобы воздействовать на течение событий и придать тем самым их течению другую направленность. Но если прогнозы сбываются, и происходящее Вас не устраивает, то Вы оказываетесь перед дилеммой: либо взирать со стороны, молча или произнося пафосные слова, и перетерпеть, если неприятности затронут лично Вас? либо воспрепятствовать осуществлению неприемлемого прогноза?[45]

Но если Вы немного покопаетесь в сценаристике истории, то Вы обнаружите, что в ней развита система многочисленных сценариев, ориентированных именно на то, чтобы запрограммировать Ваше поведение так, чтобы Вы избрали первое — взирать со стороны (“моя хата с краю”), возможно заблаговременно удалившись; или перетерпеть (“Христос терпел и нам велел”), подставляя шею под ярмо или петлю.

Желательность активизации такого рода сценария невмешательства в неприемлемое в условиях современной России и выразил А.Мелихов в заключительном абзаце своей статьи на темы “борьбы” с фашизмом:

“… единственно надёжная профилактика фашизма — держать простого человека подальше от политики. Разумеется, невозможно создавать для него отдельные телепередачи, издавать отдельные газеты (хотя — почему бы нет?..), но нужно, по крайней мере, самим не звать его на помощь, не будить в нём фашиста — не возбуждать в нём чувства, что без него страна погибнет: ведь именно ради спасения

---

[43] Ярче всего это видно на соотношении общей психологии и практической психиатрии: практическая психиатрия — выросла из общей медицины, на каком-то этапе соучаствовала в порождении общей психологии, после чего общая психология (по крайней мере в её западной традиции) разрослась “развесистой клюквой” на радость самим выдающимся психологам.

[44] См. работы ВП СССР.

[45] Монолог Гамлета “Быть иль не быть?” — “про это”.

страны, а то и человечества простой человек и творил все свои красно-коричневые кошмары”.

Если перевести это на нормальный язык прямого и содержательного повествования, то жизнь “простого человека” должна быть по существу скотской: “сказал хозяин — делай, работай; не сказал — пасись пока в загоне с электрифицированной оградой, чтобы электрошок был стимулом не соваться за пределы отведённого скотам пастбища”.

Хотя “антифашист” А.Мелихов не выразил этого в столь прямой форме, но и то, что он выразил, показывает, что он — мракобес. Соотнесите его высказывание с общеизвестным некрасовским “поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан”; или с вообще средневековым “если ты человек, не называй человеком того, кто не заботится о судьбе своего народа”[46], и сразу станет ясно, кто есть “who”.

Но то обстоятельство, что А.Мелихов и ему подобные человекообразные высказываются в таком духе, возомнив себя “элитой”, вместо того, чтобы, сидя на цепи, вкалывать в каменоломнях на хозяина, — во многом результат того, что на протяжении многих веков именно то отношение к людям и к жизни, приверженцами которого были А.Н.Некрасов, А.Навои и многие другие, — расширяет и укрепляет свои позиции; а “who”[47] нравственно-мировоззренчески сродни А.Мелихову, вынуждены лукавить, маскируя высокопарными словесами про борьбу с фашизмом свой мировоззренческий “укрепрайон” — рабовладельческий и фашистский по его существу. Поэтому если государственность — выражение нравственной идеи, то когда родственные по духу А.Мелихову люди начинают заниматься государственным строительством, то понятно, что их интересует построение системы эффективного и безопасного для “элиты” рабовладения, и их проблемы в том, что они не знают как это осуществить на практике.

Но если делается иной выбор — оказать воздействие на течение событий так, чтобы неприемлемый прогноз не осуществился, — то встаёт вопрос об управлении течением событий. Более того, даже если этот выбор не делается, то во многих случаях проблематики управления всё равно не избежать. Это видно даже по тексту беседы А.Шубна, который избрал позицию комментатора событий, уклоняющегося от взятия на себя доли ответственности за целеполагание и целесообразное управление глобальным историческим процессом, но готового однако услужить сценаристам глобальной политики:

“В некотором отношении мы даже показали Западу, какие опасности стоят перед системой глобального управления. Процессы, наблюдающиеся сейчас в мировом масштабе, были уже в чем-то смоделированы в такой “полуглобальной” экономике, как советская. Она охватывала огромные пространства, и коммунистическое руководство стремилось управлять ею из единого центра, как ныне транснациональная элита пытается управлять миром. Были в СССР и ростки альтернативы кризисному развитию, как есть они и в современном мире”.

Это означает, что если Вам успешно удастся воспрепятствовать осуществлению одного неприемлемого для Вас прогноза, но вы не имеете определённости в ответе на вопрос: “Что Вы сами намереваетесь осуществить в жизни в качестве альтернативы всему неприемлемому для Вас?” — то тем самым Вы открываете возможность для осуществления какого-то иного проекта, по отношению к которому заблокированный Вами проект был просто помехой и конкурентом. Будет ли этот новый проект для Вас приемлем[48] — это вопрос, ответ на который должен дать прогноз течения событий после устранения возможностей осуществления первого неприемлемого прогноза.

---

[46] А.Навои (1441 — 1501), азербайджанский философ и поэт, суфий. В наши дни невозможно заботиться о судьбе своего народа, будучи беззаботным о судьбе человечества и биосферы.

[47] Who — произносится как “ху”, эквивалентно личному местоимению “кто”.

[48] А он может оказаться ещё хуже, в чём после 1917 г. убедились российские либералы, ненавидевшие самодержавие царизма до 1917 г. Один из афоризмов В.О.Ключевского: “Самодержавие нужно нам пока как стихийная сила, которая своей стихийностью может сдерживать другие стихийные силы, ещё худшие”.

Иными словами необходима даже не логика и холодная голова, *свободные, а не подневольные какой-то идеологической доктрине,* как о том пишет А.Шубин, подразумевая мёртвую окаменелость доктрины. Необходима алгоритмика осуществления Вами режима Правды-Истины, если уточнить формулировку Мишеля Фуко приданием ей *нравственной определённости согласия с Божиим Промыслом,* ибо в нём Правда-Истина. Алгоритмика же осуществления Вами и каждым режима Правды-Истины (как утверждал А.Навои, именно это и является характерным свойством человека) включает в себя как алогритмику порождения и уточнения определённой идеологической доктрины, так и алгоритмику воплощения её в Жизнь в русле Промысла.

Реально в свершившейся истории и текущей политике такого рода алгоритмика обнаруживается всегда, *но — при стандарте точности исторической науки и политологии (их разделять — ошибочно), отличном от стандарта точности, в котором работает А.Шубин.*

И соответственно "система координат" и некие правила, в каждой науке — свои, обязательно соответствующие объективному течению процессов в Жизни, если это — действительно наука более или менее успешно выявляющая проблемы, ставящая задачи и решающая их практически в жизни общества.

Они и являются тем "режимом истины", который поддерживает не общество в целом, как то объяснял итальянским журналистам Мишель Фуко. "Режим истины" в условиях толпо-"элитаризма" поддерживают правящие слои этого общества или силы, находящиеся вне его, но действующие через внедрённую в общество (или взращённую в нём) свою исполнительную периферию.

Соответственно, если общество исповедует "идеал" холопско-господских отношений между субъектами[49], то для того, чтобы сохранять монополию на власть некой олигархии "господ", заинтересованные в этом должны культивировать в обществе два "режима истины": для всех — заведомо ложную "совокупность правил, согласно которым истинное отделяется от ложного"; для олигархической правящей в *пределах Божиего попущения*[50] мафии — иную, работоспособность которой и обеспечивает монополию на власть.

Именно это соотношение двух "режимов истины" ставит в зависимость от мафиозной олигархии и "элиту", и покорное "элите" простонародье.

Поэтому, если кто-либо вырабатывает и приводит в действие новый более эффективный "режим истины" (а тем более — "режим" Правды-Истины), нежели господствующий в данном обществе мафиозно-олигархический, т.е. если кто-то опирается на иную *совокупность правил, согласно которым он отделяет истинное от ложного и внедряет истину в действие через аппарат власти,* то прежние правящие слои неизбежно, автоматически в большей или меньшей степени, утрачивают власть как над этим обществом в целом, так и над процессами в нём самом.

А.Лагуткин в своей статье "Россия без жрецов" тоже не миновал вопроса об управлении. И бедственность нынешнего этапа истории России он прямо связывает с управленческой безграмотностью как "простых людей", так и "элиты", хотя и делает оговорку "вероятно": *"вероятно современные специалисты не вывели основной закон, который применим для анализа и прогноза функционирования как большой, так и малой системы: нации и человека".*

Тем не менее, понимая существо источника кризиса, будучи юристом по специальности, А.Лагуткин однако не пожелал сам развивать и излагать теорию управления, пригодную для преодоления нынешнего кризиса глобальной цивилизации и организации её дальнейше-

[49] Людьми им только дано быть, но они этой возможностью пренебрегают, и это касается как "господ", так и холопов.

[50] На этот счёт не надо впадать в обольщение и самообольщение.

го бескризисного развития. Эту задачу должна по его мнению решить интеллектуальная “элита”.

И хотя необходимость национальной идеи-парадигмы вроде бы все понимали, “но попытки были невнятными. И выстроить парадигму при Ельцине так и не удалось. То ли было некому, но, скорее всего, те, кто должен был это делать, оказались не у дел, не востребованы властью”.

Это обстоятельство резко контрастирует с тем, что пишет А.Лагуткин об эпохе сталинизма во фрагменте своей статьи, опущенном нами при цитировании ранее:

“Когда Сталин принял страну, остро стояла проблема выстраивания новой поведенческой программы. Сталин столкнулся с тем, что программу некому выстраивать. Жрецов перебили. Часть интеллектуальной элиты была уничтожена физически, часть бежала, а часть была вывезена из страны принудительно[51].

Максим Горький! — осенило вождя.

Горького, который неплохо устроился в Италии, возвращали в СССР всеми правдами и неправдами.

Когда писателя с огромной помпой удалось вернуть в Москву, вселить в роскошный особняк у Никитских ворот, вокруг него стали энергично создаваться различные творческие союзы, то есть садки для интеллектуальной элиты.

Использовались и псевдоинтеллектуалы. Не следует недооценивать Сталина, думая, что он не понимал авантюризма и псевдонаучности тезисов Т.Лысенко. Просто он остро ощущал недостаток отведенного ему времени, а народ должен был уже сейчас видеть, что гениальные самородки появились на родимой почве благодаря “разбуженной творческой энергии масс”[52].

За необычайно короткий исторический период с 1924 по 1941 год, ценой усилий творческой и научной элиты[53] удалось создать и реализовать планы, высказанные Иосифом Сталиным, когда он решил занять место Царя.

Кстати, единственный случай, когда Сталин открыто проговорился о своих планах — это план “создать человека нового типа, нового человека, советского человека” (цитата неточная). “Советский человек” и новая поведенческая формула “Родина, Сталин” прошли жесточайшую проверку в период с 1941 по 1945 г. Успех превзошел все ожидания.

Воспитательно-образовательная система использовала тогда все известные способы и методы, все каналы воздействия на сознание человека, включая черную тарелку радио, кино, театр, прессу, литературу, живопись, скульптуру, архитектуру, науку и образование. Во всех существующих формах и видах, при декларируемом примате материального над духовным, осуществлялось массированное воздействие именно на духовную сущность человека методом “кнута и пряника”, что отчетливо указывает на знание Сталиным системы истинных поведенческих мотивов”.

Если оставить в стороне вздор о притязаниях И.В.Сталина на царское величие, и роль интеллектуальной “элиты”, проистекающие из непонимания сути большевизма и меньше-

---

[51] Если бы государственность империи была подвластна жречеству её народов, то не было бы и революции. Что касается интеллектуальной “элиты”, то не была она интеллектуальной, поскольку будь она интеллектуальной, то и стала бы жречеством народов империи, и соответственно не было бы революции.

[52] Вообще-то Т.Д.Лысенко именно это и явил, но в последующие времена он был ошельмован, и представлен в качестве шарлатана. Но Т.Д.Лысенко был не один единственный в ту эпоху: многие выдающиеся деятели науки и техники сталинской поры были выходцами из простонародья.

О том, как Т.Д.Лысенко был ошельмован и роль в этом научной мафии, см. публикации в газете “Дуэль”.

[53] Не “элиты”, а выходцев из простонародья, кому пути к личностному развитию и творчеству открыло устранение прежней имперской интеллектуальной и творческой “элиты” — “элиты” пустоцветов, доведшей империю до поражения в японско-русской и первой мировой войнах, до революции, в которой потерпела крах её государственность.

визма, то в этом фрагменте статьи А.Лагуткина остаётся признание, что И.В.Сталин состоялся в истории не как "царь, диктатор, тиран, деспот", а как ЖРЕЦ[54], причём не взращённый "элитой", но вышедший из простонародья и выразивший в политике государства *нравственную идею искоренения паразитизма одних на труде и жизни других.* И эту идею, в меру своего понимания добровольно или по принуждению, поддержало большинство.

Последнее обстоятельство и намекает на крах попытки в ельцинскую эпоху сформулировать "национальную идею" для современного российского народа:

- с одной стороны, концепция безопасного для "элиты" рабовладения не может быть сформулирована "элитарной" интеллигенцией (представителями которой и являются цитированный выше А.Мелихов, и В.Добреньков[55]) вследствие её холопской услужливости (или готовности к таковой, но по отношению к другому господину, если "имеющий её" господин неприемлем), обрекающей её на тупость и концептуальное безвластье;
- а с другой стороны, не поддерживается простонародьем.

Вследствие второго обстоятельства отечественная "элита" чувствует себя более или менее в безопасности только за заборами охраняемых коттеджных городков, проживая фактически не на свободе, а в благоустроенных концлагерях, откуда под охраной она выезжает на работу[56].

Если видеть различие двух названных нравственных идей (паразитизм меньшинства на большинстве, но в безопасных формах — искоренение паразитизма) и соотноситься с текстом А.Лагуткина, то он тоже хочет, чтобы кто-то в наши дни подобно И.В.Сталину и жречеству Египта эпохи завоевания гиксосами выработал "парадигму" — концепцию жизни общества, но чтобы при этом в жизнь была воплощена нравственная идея "элитарно"-корпоративного паразитирования по способности. Сталинизм — деспотизм в отношении, склонной к паразитизму "элиты" — неприемлем, а правящая "элита" не может найти тех, кто смог бы сформулировать в приемлемых для народа формах идею "элитарно"-корпоративного паразитирования, дабы государство воплотило эту идею в жизнь, подобно тому, как это имеет место на Западе, — вот в чём суть трагедии.

Но это — трагедия не народов России, а трагедия российской "элиты".

Тем не менее, слова, которыми А.Лагуткин завершил свою статью: *"Сегодня трудно найти лентяя, не пнувшего власть тем или иным способом. Ситуация же требует адекватной реакции, надо помочь оперативно сконструировать управленческую модель и запустить её",* — справедливы, но в смысле, отличном от призывов к формированию интеллектуальной "элиты" — "почтенных законодателей", интеллектуалов "над законом" — якобы необходимых для заполнения вакуума пророссийски ориентированной концептуальной власти.

Дело в том, что А.Лагуткин ошибся: не Россия без жрецов, а Запад и Восток без жрецов[57], хотя и там, и там действуют сугубо "элитаризовавшиеся" корпорации знахарей, под-

---

[54] Слово "жрец" в его истинном смысле не имеет ничего общего со словом "жрать", но включает в себя два смысла — "жизнь" и "речь", возводя их в новое объединяющее их качество — жизнеречение — общественную функцию жречества, т.е. выражение в каждую историческую эпоху учения о том, как должно жить обществу в целом и каждому человеку в нём, чтобы события текли в русле Божиего Промысла.

[55] Декан факультета социологии МГУ, чья дочь была убита 30 декабря 2001 г. вместе с женихом (внуком вице-президента Лукойла), люмпеном, порождённым самим ходом реформ, проводимых "элитой".

[56] Если нет *эффективной* охраны, то нет и безопасности: финансового директора Лукойла Сергея Кукуру выкрали из "мерса" по дороге на работу, губернатора Магаданской области Валентина Цветкова застрелили на пороге госучреждения — это события только сентября — октября 2002 г., получившие всероссийскую огласку. А сколько аналогичных преступлений против "элиты" осталось в прошлом и забыто (С.Орджоникидзе, М.Маневич, Г.Старовойтова и др.) почти всеми, кроме близких погибших…

[57] В указанном ранее смысле жизнеречения, как функции жречества.

держивающих управление в их региональных цивилизациях по разноликим концепциям “элитарно”-корпоративного паразитизма.

Но в отличие от Востока и Запада, на Руси жречество[58] никогда не было иерархически организованной корпорацией профессионалов-знахарей, а тем более клановой кастой. В каждую кризисную историческую эпоху, те кто не только понимал, что дальше “так жить нельзя”, но и был способен, для начала — волевым усилием выйти из потока суеты, катящегося по инерции традиции ложного смысла жизни; кто совершив это, смог понять и Правдиво-Истинно выразить в изустной речи или письменно смысл жизни нового исторического этапа, — тот становился жрецом “де факто”, вне зависимости от того, к какому сословию он принадлежал по рождению или приобщился по делам; вне зависимости от того, отдавал он себе отчёт в том, что он — жрец либо же нет. Так на Руси осуществлялась и осуществляется концептуальная власть, которая впоследствии находит своё выражение в государственности как воплощении нравственной идеи[59] и в законах писаных и неписаных этой *государственности, как системы профессионального управления*[60].

В бескризисные же эпохи, пока господствующая концепция ещё не исчерпала своих возможностей, каждый занимался жизнеречением по способности и по потребности.

Эта система была эффективна тем, что в кризисных ситуациях у неё не возникало потребности сметать утратившие дееспособность “элитаризовавшиеся” корпорации-иерархии знахарей, претендующих на то, чтобы быть “жрецами-профессионалами”. Благодаря этому она была гуманнее, нежели системы Запада и Востока, в которых знахари перестали быть жрецами, мертвенно закостенели в этом, подавив непрофессиональное жизнеречение в подвластных им народах.

Если видеть различие жречества и знахарства по отношению к воплощению Промысла Божиего в жизнь, то можно понять, что именно Россия живёт сегодня со жрецами, а в остальном мире наличие *жречества как социального явления* вызывает сомнение, хотя знахарей и знахарских системных корпораций — много…

И именно потому, что Россия со жрецами, и вопреки тому, что пишет А.Лагуткин, на протяжении всей её истории в ней не приживается ничто, подменяющее собой Промысел. Именно по этой причине безвозвратно рухнуло господство библейской церкви[61]; безвозвратно рухнуло господство псевдокоммунистической бюрократии[62]; по этой же причине реформы идут не так и не туда, если соотносить их ход и результаты с вожделениями их зачинателей из отечественной и международной “элиты”.

Иными словами, там, где есть жречество, там не осуществима власть “почтенных законодателей” — “элитарных” интеллектуалов “над законом”.

Но и “простому человеку”, который своим образом жизни поддерживает концепцию А.Мелихова (не соваться в политику, а заниматься своими делами, доверив политику про-

---

58 Его не надо отождествлять со служителями культа, будь то культы древнего языческого многобожия и идолопоклонства или пришедшие ему на смену исторически более поздние культы, поскольку служитель культа связан дисциплиной культа, ограничивающей его свободу и не позволяющей такому служителю *войти в жизнеречение* в тех обстоятельствах, когда проблема жизни общества или определённого человека порождена уклонением поддерживаемого им культа от русла Божиего Промысла.

59 Обеспечивающей дальнейшее продвижение общества к человечности и становлению Царствия Божиего на Земле.

60 В этом суть государственности. А ЖЭК, Собес, Минобороны и т.п. — только прикладные области её деятельности, востребованные к жизни концептуальной властью.

61 То оживление церковной жизни, что имеет место после 1991 г. — гальванизация трупа в условиях кризиса. Кризис будет преодолён — Христианство освободится от библейской лжи.

62 И нынешний расцвет бюрократизма — особенность кризиса. Кризис будет преодолён и коммунизм отождествится с истинным Христианством, освободившись от марксизма и преобразившись.

фессионалам, якобы нанятым “простыми людьми” — налогоплательщиками) ход реформ и их результаты — тоже не приносят удовлетворения[63].

Им — для того, чтобы придать реформам иную направленность и получить в них приемлемые для себя результаты — необходимо научиться прежде всего собирать “мозаику” из тех разрозненных частностей, которые предстают в жизни и СМИ не перед их взором и слухом, а перед их вниманием (это не одно и то же[64]).

Собственно настоящая аналитическая записка и представляет читателю “калейдоскоп” и процесс преобразования её в “мозаику” на основе сопоставления друг с другом разных фактов, их описаний, мнений и выявления:

- тождественных аспектов разных явлений, в которых выражаются связи между ними, и
- различий, в которых выражается их же разграничение.

И если “мозаика” станет достаточно полной и детальной, то человек, развиваясь в процессе её формирования, воспитывая в себя волю и самодисциплину, неизбежно обретёт свойство жизнеречения. Короче:

Человек обязан знать, как «производится истина», и уметь её «производить»[65].

И чем больше будет таких людей, тем быстрее Россия и весь остальной мир выйдут из кризиса. К холопско-господским отношениям в обществе возврата нет. Это — вне Промысла, и те, кто это понял, не позволят осуществить возврат к этому, хотя этим будут недовольны и те, кто стремится “реализовать себя”[66] в качестве экземпляра из “элиты”, и те, кто может удовлетвориться своим холопским положением в обмен на обещание доступа к “корыту со жрачкой”.

15 — 20 октября 2002 г.

---

[63] За исключением тех, кто нашёл для себя не пустое корыто или в чьё корыто система подаёт приемлемую для него “жрачку”.

[64] “Смотрят, но не видят; видят, но не разумеют” — это про сборку “мозаичной” картины миры в психике человека, на основе которой он моделирует и прогнозирует течение событий в жизни, выбирает наилучший для него вариант, изменяет себя, чтобы осуществить ещё более хорошие.

[65] Если пользоваться терминологией М.Фуко, а если по существу, — то производить субъективное приближение к объективной Правде-Истине, достаточно хорошее для осуществления деятельности на её основе.

[66] В одном из значений — продать себя.